

СИБИРСКИЙ ХОЛОД И ЭКОНОМИКА РОССИИ

БЕЗРУКОВ ЛЕОНИД АЛЕКСЕЕВИЧ,

доктор географических наук,
заведующий лабораторией георесурсоведения
и политической географии,
Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН
e-mail: bezrukov@irigs.irk.ru

Дан критический анализ содержащихся в книге Ф. Хилл и К. Гэдди основных выводов о влиянии сурового сибирского климата на экономику России. Их несостоятельность установлена с помощью применения количественных оценок, показывающих реальное положение дел с индустриализацией Сибири, эффективностью и доходностью ее экономики, расселенческими процессами на постсоветском этапе.

Ключевые слова: суровость климата; «холодные» города; эффективность экономики; индустриализация Сибири; переселение населения.

A critical analysis is made of a number of main conclusions contained in the book of F. Hill and C. Gaddy about the influence of the Siberian climate on the economy of Russia. The unsoundness of their conclusions is demonstrated by using quantitative assessments showing the actual state of affairs as regards the industrialization of Siberia, the efficiency and profitability of its economy, and the resettlement processes at the post-Soviet stage.

Keywords: climate severity; «cold» cities; economic efficiency; industrialization of Siberia; population resettlement.

Коды классификатора JEL: B52, N30, Z13.

СУТЬ КОНЦЕПЦИИ Ф. ХИЛЛ И К. ГЭДДИ

Книга сотрудников Института Брукинга в Вашингтоне Фионы Хилл и Клиффорда Гэдди, опубликованная на английском языке еще в 2003 г. под названием «Сибирское проклятье: как коммунистическое планирование забросило Россию в холод» (Hill and Gaddy 2003), наделала много шума как на Западе, так и в России (см., например, рецензии и интервью (Дерлугьян 2004, 76, 78; Замятин 2005, 324–332; Кокшаров 2004; Мельникова 2004, 99–119). Выйдя из печати на русском языке в 2007 г. под названием «Сибирское бремя. Просчеты советского планирования и будущее России» (Хилл и Гэдди 2007) и став доступнее широкому кругу российских читателей, эта работа вызвала новую волну интереса. Близкая к ней по замыслу книга А.П. Паршева «Почему Россия не Америка» (Паршев 2000) произвела на рубеже 1990–2000-х гг. такой же ажиотаж.

Неподдельный интерес общественности к этим книгам заключается, видимо, в предлагаемом ими свежем концептуальном подходе к осмыслению российских экономических процессов. Дело в том, что всем уже основательно «приелись» изложенные в различных «экономиксах» так называемые «классические» законы экономики. Они, как оказалось, не описывают всей сложности реальных экономических процессов,

поскольку не учитывают географические особенности конкретных стран и регионов. Здесь же сделана неординарная попытка проанализировать (в сравнении с другими крупными государствами мира) влияние на специфику российской экономики географических факторов, прежде всего природно-климатических.

Сложности реформирования экономики России и других стран закономерно привлекли пристальное внимание целого ряда крупных ученых к оценке роли географических факторов в экономическом развитии. Достаточно назвать вместе с рассматриваемой работой Ф. Хилл и К. Гэдди фундаментальный труд «География и экономическое развитие» известных американских экономистов под руководством Дж. Сакса (*Gallup, Sachs and Mellenger 1999*). В теоретическом плане подобные работы позволяют постепенно преодолевать сложившееся в науке и обществе индифферентное и даже критическое отношение к географическому детерминизму. Еще более важны такие исследования в практическом отношении, так как они поднимают малоизученную и многими профессиональными экономистами и управленцами даже не осознаваемую проблему. Суть ее состоит в том, что присущие России географические особенности и ограничения оказывают весьма ощутимое влияние на эффективность национальной экономики и на возможности ее равноправного подключения к мировому рынку. Лишь в последние годы внимание к этой проблеме несколько усилилось, в том числе и со стороны отечественных экономико-географов (*Безруков 2008; Гладкий 2006; Пилясов 2009; Трейвиш 2009*).

Книга Ф. Хилл и К. Гэдди посвящена оценке роли Сибири в советской и российской экономике. В основе авторской концепции лежит поиск взаимосвязей между природно-климатическими условиями России и ее экономическим развитием. При этом красной нитью через всю книгу проводится тезис о том, что огромные холодные пространства Сибири являются тяжелым бременем для отечественной экономики и сильно тормозят ее рост. Доказательство этого тезиса складывается из двух следующих основных частей: 1) измерение российского холода; 2) оценка затрат экономики, связанных с влиянием холода.

Первая часть доказательства вызывает только признательность за попытку количественного измерения российского холода с учетом распределения населения по территории страны. Предложенный оригинальный показатель «температура на душу населения» (ТДН) рассчитан на основе средних январских температур, взвешенных относительно численности населения. С помощью показателя ТДН проведен содержательный сравнительный анализ температуры как на уровне стран (*Россия, Канада, США, Швеция и др.*), так и на уровне отдельных городов и их совокупностей. Строгим «языком цифр» выявлен столетний тренд смещения населения России в холодные глубины Евразии (и соответственно рост ТДН), диаметрально противоположный мировым тенденциям сдвига населения в теплые и преимущественно приморские районы.

В то же время вторая часть доказательства представляется весьма спорной. Определение цены холода по двум составляющим — «прямым» затратам (ущерб производственной деятельности в отраслях экономики, ухудшение здоровья людей и рост смертности) и «косвенным» («адаптационным») затратам (дополнительные расходы на отопление, заработную плату и т.д.) — осуществлено применительно к США. Непосредственный же перенос соотношений, полученных на примере другой страны, на Россию без учета ее специфики вызывает большие вопросы и выглядит совершенно не корректным.

Авторы сами понимают сложность подобных сравнений, указывая на две проблемы. Первая из них заключается в несопоставимости рассматриваемых национальных экономик по показателю соотношения между валовыми затратами на адаптацию к хо-

лodu и эффективностью принимаемых мер. Вторая проблема вытекает из совершенно различного диапазона температур в США и России, исходя из которого следует производить оценку затрат для этих стран. Тем не менее, несмотря на отсутствие должной доказательной базы, в книге декларируются малообоснованные суждения о том, что издержки в Сибири в 4 раза выше, чем в европейской части страны, а дополнительный «налог на холод», выплачиваемый Россией, приближается к 2,25–3% ВВП в год.

Основные выводы и рекомендации авторов заключаются в следующем: индустриализация Сибири была огромной ошибкой советского планирования; в современных рыночных условиях ее освоение излишне затратно и экономически неэффективно, причем расходы на дотации восточным регионам «съедают» подавляющую часть потенциального роста российской экономики; из Зауралья в европейскую часть страны требуется переселить от 10 до 15,7 млн «избыточного» населения. Попробуем дать комментарии названным выводам и рекомендациям, применяя при этом не голословные субъективные, а строгие количественные оценки.

ОБ ОШИБОЧНОСТИ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ СИБИРИ

Ф. Хилл и К. Гэдди трактуют индустриализацию и массовое заселение Сибири в основном как результат функционирования советской плановой экономики. Между тем идея приоритетного хозяйственного развития восточных макрорегионов страны — Сибири, Урала и Поволжья — возникла еще в дореволюционное время, будучи основана на глубоком анализе недостатков в территориальной организации общества Российской империи в начале XX в. Дело в том, что поражающая европейско-азиатская асимметрия в размещении хозяйства и населения имела весьма значительные негативные последствия для развития национального хозяйства и формирования емкого внутреннего рынка. Основная часть демоэкономического потенциала располагалась в западной половине европейской части страны, а уже восточнее Волги не было почти ни одного крупного города (за исключением недавно присоединенных среднеазиатских городов). Размещение промышленного производства в макрорегиональном отношении (*Промышленный центр, Прибалтика, Новороссия, Донбасс*) не соответствовало распределению наиболее значимых природных ресурсов (*Сибирь, Урал, Туркестан*). Узость сложившейся территориальной базы индустрии сдерживала общеэкономический рост.

Из названных предпосылок логически вытекали прогнозные гипотезы макрорегиональных хозяйственно-расселенческих сдвигов, разработанные в первой четверти XX в. тремя русскими исследователями (причем каждым самостоятельно) — Д.И. Менделеевым (1904–1906 гг.), В.П. Семеновым-Тянь-Шанским (1915 г.), П.Н. Савицким (1920–1925 гг.). По их замыслу, освоение богатых природных ресурсов Урала, Сибири, Дальнего Востока и Туркестана позволяло обеспечить относительную самодостаточность хозяйства России (*Менделеев 2002; Савицкий 1997*). К тому же геополитическая обстановка настоятельно требовала коренного повышения уровня населенности и освоенности восточной части страны (*Менделеев 1995; Семенов-Тянь-Шанский 1996, 593–616*). Разработанный сценарий предусматривал на будущие десятилетия неуклонное смещение центров населения и хозяйства Российской империи на восток к ее географическому центру, располагающемуся в Сибири (*Менделеев 2002*). Этот сдвиг предполагалось осуществлять способом создания новых «культурно-экономических колонизационных баз» на обширном пространстве между Волгой и Енисеем, которое призвано было стать «коренным» в российском государстве (*Семенов-Тянь-Шанский 1996, 593–616*).

В практическом отношении экономическая роль Зауралья стала усиливаться еще в предреволюционные годы в связи с завершением сооружения Транссиба и направленностью сюда поддерживаемого государством массового переселенческого движения. В советский период идея «сдвига производительных сил на восток» проходила «красной нитью» через все важнейшие проекты и планы развития и размещения народного хозяйства СССР. Следовательно, индустриализация Сибири — это вовсе не отдельный «утопический» проект советского планирования, а стратегическое направление общезкономической политики России, исходящее из ее ключевых национально-государственных интересов и географической специфики вне зависимости от смены общественных формаций.

По мнению Ф. Хилл и К. Гэдди, освоение Сибири в советский период шло на основе принципов плановой, а не рыночной экономики, т.е. не лучшим путем, учитывая излишний акцент на тяжелую промышленность. Однако, во-первых, вся централизованная советская экономика со времен ГОЭЛРО развивалась на основе плановых принципов, и их дееспособность применительно к Сибири доказана самой жизнью. Во-вторых, упор на тяжелую промышленность был неизбежен в условиях относительной закрытости советского экономического пространства. Сама же эта закрытость была вынужденной, а вовсе не санкционированной Госпланом, поскольку СССР в 20–40-е гг. XX в. находился в недружественном кольце государств капиталистического лагеря. Именно тогда в соответствии с логикой выживания сложилась модель в общих чертах самодостаточного и отчасти автаркического положения экономики страны в системе мирового хозяйства, та модель, которая объективно опиралась на собственные ресурсы и, прежде всего, на богатые природные ресурсы Сибири и Урала.

Спорными также представляются тезисы авторов о том, что при освоении Сибири плановая экономика исходила из необходимости «равномерного развития», а во главу угла ставилось размещение отраслей и производств высокой трудоемкости. «Равномерность размещения» производительных сил в общем-то никогда не понималась буквально. Сибирь осваивалась не вся сразу, а как раз выборочно, в наиболее благоприятных для этого местах и преимущественно на основе формирования мощных территориально-производственных комплексов (ТПК) на относительно компактной территории. С учетом ограниченности трудовых ресурсов и изобилия высокоэффективных топливно-энергетических богатств установка делалась на развитие в первую очередь энергоемких производств малой трудоемкости.

В результате сибирская промышленность локализована сейчас в сравнительно небольшом числе городов и районов, главным образом в пределах ТПК. Анализ и картографирование таких ключевых показателей, как объемы промышленной продукции и строительных работ, позволили делимитировать основные растущие индустриальные ареалы и наметить на их основе контуры современных ТПК (Безруков 2008). На начало XXI в. речь можно вести о существовании в пределах Сибири десяти ТПК внутриобластного ранга различной мощности и степени «зрелости». К ним относятся следующие комплексы: Северо-Тюменский (*Надым-Пуровский*), Среднеобский, Кузбасский, Норильский, Центрально-Красноярский (*Канско-Ачинский*), Саянский, Братско-Усть-Илимский, Иркутско-Черемховский, Западно-Якутский (*Мирнинский*), Южно-Якутский. По нашим подсчетам (Безруков 2008), доля этих десяти ТПК, занимающих всего 12,7% площади Сибири, в ее основных экономических показателях (объемы промышленной продукции, экспорта и бюджетных доходов) составляет в настоящее время 85–95%. Благодаря повышенной электровооруженности труда, его производительность в промышленности сибирских комплексов в 4,3 раза выше аналогичного общероссийского показателя. Следовательно, нет никаких веских оснований

говорить о фронтальном освоении, равномерном размещении производительных сил и неэффективности сибирской экономики.

Совершенно не ясно поэтому, в чем Ф. Хилл и К. Гэдди видят ошибочность индустриализации Сибири? Наоборот, происходившую в течение XX в. индустриализацию восточных районов можно по праву считать реализацией жизненно важных национально-государственных интересов страны как в экономическом, так и геополитическом отношении. Благодаря освоению глубинных «ресурсных» районов, народно-хозяйственный комплекс Советского Союза сложился в основном самодостаточным, что гарантировало социалистической стране независимость от ведущих капиталистических держав. В годы Великой Отечественной войны в значительной мере за счет накопленного экономического потенциала малоуязвимых для неприятеля восточных территорий и эвакуации туда предприятий с запада СССР выстоял и одержал победу над Германией. В послевоенные десятилетия ресурсы глубинных районов, в первую очередь Сибири, Урала и Поволжья, служили важнейшей материально-производственной основой превращения страны во вторую в мире супердержаву.

О СВЕРХЗАТРАТНОСТИ И НЕЭФФЕКТИВНОСТИ СИБИРСКОЙ ЭКОНОМИКИ И ДОТАЦИОННОСТИ СИБИРИ

В связи с суровым климатом и огромными расстояниями затраты на производство и жизнеобеспечение в Сибири действительно выше, чем в европейской части России. Но, конечно, в целом никак ни вчетверо, как уверяют Ф. Хилл и К. Гэдди. Следует учитывать, что Сибирь крайне неоднородна в природном и экономическом отношении. Нельзя «приписывать» всей ее территории экстремальные показатели, характерные лишь для Дальнего Севера. Обширная отечественная литература в области региональной экономики и экономической географии, посвященная оценке влияния природных условий и факторов на дифференциацию затрат производства по регионам страны, всегда особо отмечала резкое удорожание продукции и проживания при переходе от Главной полосы расселения к Ближнему и особенно к Дальнему Северу.

Территория юга Сибири вдоль Транссиба вполне пригодна для нормальной жизнедеятельности, и по крайней мере, для Главной полосы расселения разница рассматриваемых затрат между азиатской и европейскими частями страны не слишком велика. Это подтверждается, например, сравнением современных средних розничных цен на потребительские товары повседневного спроса, прежде всего на отечественные продукты питания (Безруков 2008). По ряду видов продукции восточные районы имеют даже преимущества — так, зона самых низких тарифов на электроэнергию сформировалась именно в Восточной Сибири на базе мощного Ангаро-Енисейского каскада ГЭС.

Об эффективности сибирской экономики лучше судить не по затратам, а по балансу доходов и расходов и конечному вкладу в экономику страны. Доля Сибири, включая Тюменскую область на западе и Республику Саха (Якутию) на востоке, в численности населения России в 2002 г. составляла 16,8%, объеме промышленной продукции — 21,2%, экспорте — 28,6%, доходах бюджетной системы — 26,2%. Это означает, что даже по официальным статистическим данным вклад макрорегиона в экономику страны в 1,3 — 1,6 раза больше его доли в населении.

Однако размеры основных экономических показателей на самом деле сильно занижены вследствие учета значительной их части по месту регистрации (обычно в Москве или Санкт-Петербурге) головных офисов вертикально-интегрированных компаний, контролирующих сибирские предприятия. Так, на долю Москвы приходится свыше 50% экспорта топливно-энергетических ресурсов России, тогда как у главного

ее нефтедобывающего региона — Ханты-Мансийского округа — статистикой фиксируется только 7,5% экспорта этих ресурсов. Занижение объемов промышленной продукции, экспорта и доходов субъектов Федерации осуществляется за счет широкого применения толлинговых и процессинговых схем производства, механизма трансфертных цен, перерегистрации основных фондов за пределами регионов-производителей, внутрикорпоративного перераспределения выручки и прибыли, использования внешних и внутренних оффшоров и т.д. Общие масштабы этих искажений огромны: по нашим расчетам (*Безруков 2009, 11–19*), в 2002 г. истинная доля Сибири в объеме промышленной продукции, экспорта и бюджетных доходов достигала соответственно 39, 66 и 48%, т.е. указанные показатели занижены официальной статистикой в 1,8–2,3 раза. Из этих соотношений следует, что в расчете на 1 жителя Сибирь дает больше, чем страна в целом, промышленной продукции — в 2,3 раза, экспорта — в 3,9 раза, бюджетных доходов — в 2,9 раза.

Выходит, что очень значительная часть финансовых ресурсов, имеющих сибирское «происхождение», минует бюджетные системы самих регионов Сибири, распределяясь сразу между федеральным бюджетом, бюджетом Москвы (*или Санкт-Петербурга*) и финансово-промышленными группами, контролирующими базовые предприятия макрорегиона. С учетом искусственного занижения сибирских доходов разница между финансовыми потоками, уходящими из макрорегиона в центр и поступающими оттуда в виде трансфертов, достигает десятикратной величины (*Безруков 2008; Безруков 2009, 11–19*). Общий объем трансфертов, выделяемый из федерального бюджета на всю Сибирь, был в начале 2000-х гг. меньше чистой прибыли каждой из крупных компаний, эксплуатирующих сибирские ресурсы (*Газпром, ЛУКОЙЛ, Роснефть, ТНК-ВР, Сибнефть, Норильский никель, Сургутнефтегаз, РУСАЛ, Алроса и др.*).

Таким образом, промышленность Сибири и прежде всего ее мощных ТПК характеризуется в действительности высокой эффективностью, «перевешивающей» влияние удорожающих сибирских условий — сурового климата и глубинного макроположения. Поэтому индустриальные сибирские регионы фактически являются крупнейшими или крупными донорами федерального бюджета, а Сибирь в целом финансово самодостаточна. Представления же о дотационности и «нерентабельности» макрорегиона явно некомпетентны, поскольку в последние десятилетия именно Сибирь является главным валютным «цехом» страны, поддерживая относительную стабильность всей национальной экономики.

ОБ «ИЗЛИШКАХ» НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ И ДАЛЬНОГО ВОСТОКА И НЕОБХОДИМОСТИ ИХ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ В ЕВРОПЕЙСКУЮ ЧАСТЬ СТРАНЫ

После прочтения книги возникает вопрос, как все же появляется величина «излишков» населения Сибири и Дальнего Востока, равная 10–15,7 млн человек? Ссылка авторов на то, что данная цифра получена «по разным подсчетам», звучит не слишком убедительно. Сразу же появляются закономерные вопросы: какие это конкретно подсчеты, что положено в их основу, какие факторы учтены и т.д.? Но никакого сколько-нибудь внятного обоснования «избыткам» населения восточных районов найти не удается.

Если следовать утверждению авторов, то получается, что из 29,4 млн российских граждан, проживающих в настоящее время за Уралом, «лишним» будет каждый третий или каждый второй. Правда, даже сами авторы понимают полную абсурдность рекомендаций по переселению миллионов россиян в более теплые районы страны. Известно, с какими трудностями и затратами столкнулось организованное в плановом порядке переселение жителей всего лишь нескольких северных посел-

ков на юг. Массовое переселение сибиряков и дальневосточников в европейскую часть страны не только совершенно нереально с финансово-экономической точки зрения, но и крайне нежелательно по геополитическим и военно-стратегическим соображениям, а также по этническим, культурно-психологическим, медицинским и прочим причинам.

На наш взгляд, следует поддержать позицию ведущих сибирских ученых (*Селиверстов 2008, 194–224*) в том, что значительные экономические потери связаны не с «перенаселением» макрорегиона, а как раз, наоборот, с недоразвитием в освоенной полосе вдоль Транссиба и в прилегающих районах крупных комплексов перерабатывающих производств, т.е. вторых и третьих «этажей» индустрии. Ориентация на глубокую переработку здесь сырья и топлива предполагает закрепление населения и привлечение новых трудовых ресурсов. Частично эта проблема может быть решена за счет миграции из северных районов. Вместе с тем подход к ней должен быть не догматическим, а научно обоснованным и дифференцированным (выборочным, а не массовым) в зависимости от функций и места тех или иных районов и пунктов в хозяйственно-расселенческих структурах, типа освоенности и т.д. Если отток населения из некоторых монофункциональных промышленных пунктов, входящих в состав очаговых (относительно автономных) структур, является менее болезненным для функционирования соответствующих районов, то нарушение сети местных опорных центров способно привести к дезорганизации систем жизнеобеспечения огромных территорий Севера.

Как ответить на вопрос о том, куда могут переехать и чем будут заниматься представители коренных малочисленных народов Севера, адаптированные к своей среде обитания и занятые в традиционных отраслях хозяйства (природопользования)? Возможно ли переселение на «материк» жителей тех опорных городских и сельских поселений, которые выполняют необходимый набор функций местных центров (транспортно-коммуникационных, управленческих, культурных, медицинского и бытового обслуживания и др.) и играют исключительно важную роль в жизнеобеспечении населения на громадных территориях? Нужно обязательно учитывать, что в таких центрах в составе специалистов, особенно высшей квалификации, представители аборигенных народов находятся в меньшинстве, поэтому массовый выезд оттуда русского и другого некоренного населения ставит под удар основные отрасли местной экономики и системы жизнеобеспечения целых районов. Между тем с властями всех уровней никто пока не снимал ответственность за судьбы коренных малочисленных народов. Общая же численность сибирских аборигенов довольно внушительна и достигает 1,5 млн человек, что почти в 25 раз превышает численность канадских индейцев и эскимосов. Поэтому в Сибири, особенно в зоне разреженного и очагового освоения, с более широких государственных позиций важнее будет не «выбраковка» и ликвидация «неперспективных» предприятий, городов и районов, а наоборот, максимальное сохранение и укрепление существующей сети опорных поселений и коммуникаций.

Актуальность подхода, нацеленного на сбережение и увеличение демографического потенциала сибирских районов, включая отчасти и северные, во многом определяется также необходимостью реализации здесь ряда стратегических программ и проектов, исключительно важных для страны и в экономическом, и в геополитическом плане. Уже сейчас попытки освоения зоны БАМа наталкиваются на определенную нехватку людских ресурсов. Резкая убыль населения арктических районов Сибири способна крайне осложнить решение проблемы возрождения Северного морского пути. Согласно утвержденной «Стратегии развития железнодорожного транспорта в Российской Федерации до 2030 года», в Сибири в ближайшие десятилетия должны

быть построены тысячи километров новых железных дорог, что потребует мощного притока трудовых ресурсов.

В рассматриваемой книге необходимость «сжатия» освоенного пространства Сибири вытекает из якобы ее нерационального массового заселения, разбросанности жителей на бескрайних просторах и т.д. Но на самом деле подавляющая часть населения макрорегиона сосредоточена на его юге в пределах Главной полосы расселения. Эффект такой концентрации количественно можно выразить следующим образом. Все девять ведущих городских центров Сибири с численностью населения свыше 500 тыс. человек — Новосибирск, Омск, Красноярск, Барнаул, Иркутск, Тюмень, Новокузнецк, Кемерово и Томск — располагаются сейчас в пределах относительно неширокой широтной полосы, ориентированной в общем направлении вдоль Транссиба. В этой полосе очень рельефно выделяется компактное «обско-томское» ядро из сближенных между собой западносибирских городов — Новосибирска и Барнаула на Оби, Новокузнецка, Кемерово и Томска на Томи. Такое сгущенное полосовидное распределение сети главных опорных центров с довольно компактным ядром означает их сближение в целях экономии расстояний в каркасе расселения, или имплозию.

Сравним фактические расстояния ближайшего соседства ведущих центров с определенными по формуле О.К. Кудрявцева (*Кудрявцев 1985*) их теоретическими расстояниями, которые были бы при условии равномерного распределения городов. Наши расчеты показывают (*Безруков 2008*), что в сложившемся каркасе расселения фактические расстояния короче теоретических в 3,1 раза. Сокращение расстояний в каркасе более чем в три раза означает такое же уменьшение протяженности транспортной сети и работы транспорта (грузооборота), т.е. сближение главных сибирских центров между собой дает огромный экономический эффект. Эффективность адаптированной к условиям Сибири системы городов в значительной мере опровергает суждения о нерациональности системы расселения макрорегиона в целом.

Ф. Хилл и К. Гэдди считают, что в рыночных условиях будет неизбежным смещение населения Сибири в теплые районы страны. Действительно, за 20 последних лет с 1989 по 2009 гг. численность населения макрорегиона уменьшилась на 5,4%, т.е. заметнее, чем России в целом (на 3,5%). Проверим, какую роль в этом процессе играет фактор суровости климата (холода), осуществив данную операцию на примере ведущих городов Сибири.

Некоторые исследователи считают (*Пивоваров 1997, 114–124*), что с начала 1990-х гг. наметилась отчетливая тенденция сокращения населения главных сибирских городов. Однако подобные утверждения базируются на анализе искаженной информации, содержащейся в последней советской переписи 1989 г. В этой переписи людность наиболее значительных сибирских городов, включая Новосибирск, Красноярск, Иркутск, Томск и др., была преднамеренно завышена на численность населения приписанных к ним закрытых городов. Когда же в 1995 г. эта «шапка-невидимка» без каких-либо разъяснений была снята, то без видимых причин население почти каждого крупного города Сибири уменьшилось сразу на 30–45 тыс. человек, что привело к формально отрицательной динамике численности их населения на постсоветском этапе.

Если учесть реальную, а не искаженную людность городов, то окажется, что подавляющая часть ведущих сибирских центров находилась в данное время в стабильном или растущем демографическом состоянии. Так, с 1989 по 2009 гг. из 16 республиканских, краевых, областных и окружных центров Сибири людность увеличилась в 12 раз, т.е. в абсолютном их большинстве. Уменьшение численности населения отмечено всего лишь в четырех региональных центрах, причем в двух из них оно не вышло за пределы 1–2%. Согласно нашим подсчетам, за два последних десятилетия общая

численность населения «региональных столиц» выросла на 318 тыс. человек, или на 8,3%, что говорит о сохраняющейся их притягательности и о непрекращающемся процессе стягивания сюда населения и хозяйственной жизни.

Если переход к рыночным условиям не изменил общего тренда роста главных сибирских городов, то, может быть, фактор суровости климата сказался на разнице в их динамике? Между тем, как это ни парадоксально, на постсоветском этапе наиболее высокие темпы роста численности населения наблюдались, по нашим подсчетам, именно в самых «холодных» региональных центрах — Ханты-Мансийске (на 112%), Якутске (41,2%), Салехарде (31,2%) и Кызыле (27,1%). Приведенный пример наглядно показывает ошибочность излишней абсолютизации одного фактора — суровости климата, влияние которого в данном случае полностью перекрывается действием других более мощных факторов.

Для всех региональных центров Сибири исключительно важны факторы удачного расположения относительно транспортных магистралей, выполнения отлаженных транспортно-распределительных функций, наличия весомого инфраструктурного потенциала. Кроме того, на постсоветском этапе указанные города усилили свой административный и финансово-экономический потенциал, мобильно реструктурировали хозяйственные комплексы и интенсифицировали малый бизнес и торговлю. Более быстрый рост самых «холодных» сибирских городов объясним еще и действием следующих дополнительных факторов: сравнительным «процветанием» экспортоориентированных нефтегазовых округов севера Тюменской области (*Ханты-Мансийск и Салехард*), процессами этнической консолидации и продолжающейся урбанизации в условиях увеличения численности коренного населения (*Якутск и Кызыл*).

Можно привести еще и пример соседнего с Сибирью Казахстана, в котором столица была перенесена в 1997 г. из Алма-Аты, находящейся в южной части страны, на север в Астану (бывший Целиноград). Несмотря на то, что средняя температура января в Астане (–15,0 °С) почти на 10 град. ниже, чем в Алма-Ате (–5,4 °С), и не намного выше, чем в близлежащем сибирском Омске (–16,9 °С), новая столица продемонстрировала поистине стремительный рост. Всего лишь за 15 лет с 1996 по 2010 гг. людность Астаны увеличилась с 270 до 709 тыс. человек, т.е. в 2,6 раза. Это еще раз говорит о том, что климатические условия (по крайней мере, в известных пределах) не играют решающей роли в экономическом и демографическом развитии городов и районов.

ПРИМЕРЫ ДРУГИХ НЕТОЧНОСТЕЙ И НЕСТЫКОВОК

Высказав свое мнение по поводу ключевых выводов и рекомендаций книги, хотелось бы заметить, что в ней имеются и другие отдельные неточности, логические нестыковки, предвзятые надуманные положения. Приведем несколько подобных примеров.

В книге говорится, что в Российской империи третьим по численности населения городом после двух столиц была Одесса. На самом деле, согласно данным первой Всеобщей переписи населения империи 1897 г. (*Менделеев 2002*), Одесса (404 тыс. человек) находилась на четвертом месте после Санкт-Петербурга (1265), Москвы (1039) и Варшавы (684). Видимо, авторы по каким-то соображениям, возможно политическим, не учли Варшаву — но, как известно, подавляющая часть Польши с Варшавой входила до революции 1917 г. в состав России.

Чересчур прямолинейным и отчасти явно надуманным выглядит сравнение динамики роста американского Дулута и российской Перми. Авторы считают, что числен-

ность населения Дулута в условиях рынка стабилизировалась из-за холодного климата, тогда как Пермь в результате «насаждения» оборонной промышленности в советский период бурно развивалась. В действительности же рост Дулута остановился вследствие исчерпания прилегающих к нему богатых месторождений железных руд. В то же время агломерация Миннеаполиса, находящаяся всего лишь в 200 км к югу от Дулута, т.е. в близких климатических условиях, достигла сейчас численности населения в 2,4 млн человек (для сравнения: людность Перми всего лишь около 1 млн человек). Холодный климат вовсе не помешал Миннеаполису стать в начале XXI в. 14-й по численности населения агломерацией США, превосходящей, кстати, крупнейшие агломерации теплой Флориды — Майами (2,2 млн человек) и Тампу (2,0).

Определенная логическая нестыковка в авторской позиции видится в том случае, если рассматривать проблему связи природно-климатических условий и распределения населения на более широком международном фоне. Тот факт, что население Канады «прижато» к югу (к границе с США), вовсе не означает, что на юге Манитобы и Саскачевана теплее, чем на юге Западной Сибири. Центр Манитобы — Виннипег — характеризуется почти теми же январскими температурами, что и Новосибирск. Однако применительно к Канаде никаких рекомендаций по переселению в более теплые районы мы не видим. Зачем же тогда надо переселять жителей южной части Сибири — Омска, Новосибирска, Красноярска, Иркутска и др.? Или канадцы более «морозоустойчивы» по сравнению с сибиряками?

Ни одна из крупнейших стран мира не стремится освободиться от своих территорий с экстремальными природными условиями. Дело обстоит как раз наоборот. Отметим четко выраженную и строго последовательную политико-правовую позицию той же Канады по ограничению иностранного судоходства в прибрежных арктических водах с целью укрепления своего суверенитета над бескрайними территориями и акваториями Севера (*Овлащенко 2007, 104–117*). Между тем, как известно, Северо-Западный морской проход канадской Арктики имеет намного более сложные ледовые условия, чем трасса Северного морского пути вдоль российского побережья.

Показателен в данном отношении и пример Австралии, имеющей ту же плотность населения, что и Сибирь — 2,6 человека на 1 км². Австралия не только недавно проложила через свои безлюдные пустыни первую трансконтинентальную железную дорогу, связавшую север и юг страны (*Дарвин–Аделаида*), но и предъявила претензии на огромную часть, казалось бы, безжизненной Антарктиды.

Отдавая должное американским авторам за разработку актуальной для России проблематики, нужно все же отметить, что, на наш взгляд, они существенно «перебирают» в своем географическом детерминизме. У читателей может создаться впечатление о фатальном влиянии сурового климата Сибири на эффективность отечественной экономики. Между тем сила воздействия климата на хозяйство и жизнедеятельность исторически изменчива и зависит от уровня развития общества, от возможностей познания этого фактора и нейтрализации его негативного влияния. В развитом индустриальном и постиндустриальном обществе непосредственная зависимость производственной деятельности и жизни людей от климатических условий существенно ослабевает. Сами же авторы пишут о том, что усовершенствованная система адаптации канадцев к северному климату позволяет им стабильно заниматься своим делом при любой погоде. Как было показано выше, рентабельная работа большинства предприятий Сибири также наглядно свидетельствует об отсутствии фатального влияния сурового климата на эффективность и развитие экономики.

Более того, анализируя проблему связи природно-климатических условий и социально-экономического развития на глобальном уровне, можно прийти к выводам,

диаметрально противоположным тем, которые сделали авторы рассматриваемой книги. Как известно, в современной научной литературе большую популярность получило геоэкономическое деление мира на «Север» (мировой центр, или «золотой миллиард» планеты) и «Юг» (развивающиеся страны периферии и полупериферии), которые резко различаются между собой по уровню доходов, экономической мощи, качеству жизни населения. При сравнении расположения стран по широте с их ключевыми социально-экономическими показателями (размер душевого ВВП, ожидаемая продолжительность жизни, уровень автомобилизации и др.) обнаруживается, что с продвижением к северу и югу от экватора указанные показатели коренным образом улучшаются. При этом наилучшие значения показателей отмечаются как раз у самых северных стран (Исландия, Швеция и др.), а наихудшие — у стран тропической «Черной» Африки. Данная зависимость подтверждена, например, результатами фундаментальных исследований американских экономистов под руководством Дж. Сакса (*Gallup, Sachs and Mellenger 1999, 179–232*). Концепция Ф. Хилл и К. Гэдди, как видим, не очень-то хорошо «вписывается» в названные глобальные закономерности и тенденции, хотя, конечно, этот вопрос явно требует более обстоятельного и детального изучения, включая анализ влияния на социально-экономическое развитие, наряду с климатом, других не менее важных факторов.

Отмеченные недостатки ни в коей мере не умаляют достоинств книги Ф. Хилл и К. Гэдди. Главная заслуга рассматриваемой работы заключается не только в том, что она интересна и поучительна, но и в ее дискуссионности, благодаря которой актуализируется поиск новых идей и направлений в экономической и политической географии, экономике, истории и других смежных науках.

ЛИТЕРАТУРА

- Безруков Л.А. (2009). Бюджетно-финансовый баланс отношений «центросибирские регионы» // *Изв. ИГУ. Сер. «Политология. Религиоведение»*. Т. 1. 11–19.
- Безруков Л.А. (2008). Континентально-океаническая дихотомия в международном и региональном развитии. Новосибирск: Академическое изд-во «Гео».
- Гладкий Ю.Н. (2006). Россия в лабиринтах географической судьбы. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс».
- Дерлугьян Г. (2004). Трагедия, происходящая от успеха // *Эксперт*. № 10. 76, 78. (Спец. обозрение «Климат»).
- Замятин Д. (2005). Сибирское проклятье // *Вест. исторической географии*. Вып. 3. / Отв. ред. В.Н. Стрелецкий. М.: Изд-во «Эслан». 324–332.
- Кокшаров А. (2004). Цена холода // *Эксперт*. № 10. 72–78. (Спец. обозрение «Климат»).
- Кудрявцев О.К. (1985). Расселение и планировочная структура крупных городов-агломераций. М.: Стройиздат.
- Мельникова Л.В. (2004). Освоение Сибири: ревнивый взгляд из-за рубежа. *ЭКО: Всероссийский экономический журнал*. № 6. 99–119.
- Менделеев Д.И. (1995). Заветные мысли: Полное издание (впервые после 1905 г.). М.: Мысль.
- Менделеев Д.И. (2002). К познанию России. М.: Айрис-пресс.
- Овлащенко А.В. (2007). Правовой режим Северного морского пути: современные тенденции // Северный морской путь: состояние, проблемы, перспективы. СПб.: РГО, СЗНИИ наследия. 104–117.

Паршев А.П. (2000). Почему Россия не Америка. Книга для тех, кто остается здесь. М.: Крымский мост — ЭД-Форум.

Пивоваров Ю.Л. (1997). Сжатие интенсивно используемого пространства: концепция макрорегионального развития России // *Изв. РАН. Сер. геогр.* № 5. 114–124.

Пилясов А.Н. (2009). И последние станут первыми: Северная периферия на пути к экономике знания. М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ».

Савицкий П.Н. (1997). Континент Евразия. М.: Аграф.

Селиверстов В.Е. (2008). Мифы и рифы территориального развития и региональной политики России // *Регион: экономика и социология.* № 2. 194–224.

Семенов-Тянь-Шанский В.П. (1996). О могущественном территориальном владении применительно к России // *Рождение нации.* М.: ДИ-ДИК. 593–616.

Трейвиш А.И. (2009). Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. М.: Новый хронограф.

Хилл Ф. и Гэдди К. (2007). Сибирское бремя. Прочеты советского планирования и будущее России / Пер. с англ. М.: Научнообразов. форум по междунар. отношениям.

Gallup, J.L., Sachs, J.D. and Mellenger, A.D. (1999). Geography and Economic Development // *International Regional Science Review.* Vol. 22. No. 2. 179–232.

Hill, F. and Gaddy, C. (2003). The Siberian Curse: How Communist Planners Left Russia Out in the Cold. Washington, D.C.: Brookings Institution Press.